

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ ПОТЯСЕНИЙ

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **Вал.А.Луков**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАО **Л.П.Буева**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. Взятие Бастилии 14 июля 1789 года ежегодно отмечается как начало Великой французской революции. Но как вершилась эта национальная баталия? Что вызвало к жизни это социальное потрясение, ставшее прологом к новейшей истории? В связи с тем, что выросли цены на хлеб, на улицах стали собираться толпы людей. Они еще не понимали, как будут развиваться дальнейшие события. Королевская чета спокойно укрылась в Версале, не забыв отдать распоряжение о стягивании войск в столицу. У солдат не было конкретного приказа, но сам факт породил слух: король хочет учинить кровавую расправу над людьми.

Об этом рассказал журналист Камиль Демулен. На самом деле никакая Варфоломеевская ночь со стороны короля не замышлялась. Однако тысячи взволнованных граждан захотели немедленно вооружиться. Утром следующего дня посланцы «парижских избирателей» отправились к арсеналу Дома инвалидов, чтобы получить ружья. Разумеется, им отказали. Наступил миг, когда социальное потрясение можно было еще предотвратить. Но толпа ворвалась в арсенал и захватила более 30 тысяч ружей. Повстанцам не хватает пороха. С этой минуты данное слово приобретает метафорический смысл. Толпы бросаются к Бастилии, чтобы зарядить ружья. Комендант Бастилии де Лоне отдает приказ об обороне. К нему отправилась делегация на переговоры. Но мятежная орущая толпа уже не слушала никаких резонов. Она обвинила переговорщиков предателями и ринулась на штурм. Атака была отбита. Еще остался шанс «разрядить» обстановку. Но тут приволокли какую-то девушку, про которую сказали, что это дочь коменданта. Раз отец не уступает повстанцам, надо ее сжечь. Но она, на самом деле, никакого отношения к коменданту не имеет. Тут уж мятежный дух опрокинул все препоны. Де Лоне погиб — проходящий мимо повар отрубил ему голову. Гнев толпы требует все новых и новых жертв. Хаос и отчаяние овладевают людьми.

Происходящее мало похоже на героический штурм твердыни деспотизма. Голову де Лоне несут по Парижу. Все это напоминает какое-то варево из нелепых и трагических ошибок. Однако оно затем послужило основой для романтизации случившегося. Литографии изображали освобождение заключенных, которые выдержали пытки и мрачные казематы. И теперь, обнаженные и закованные в кандалы, они будили ярость масс. Но в

захваченной тюрьме не было политических заключенных... Но злополучная твердыня тирании рухнула.

Мы помним, что вспышка в Тунисе, уже в наши дни, началась с самоубийства человека, который остался без работы и был изгнан с рынка, где он торговал зеленью. События в Египте и Ливии тоже разворачивались вне традиционной социальной логики, но, тем не менее, вызвали целую цепочку сходных выступлений. Так что же такое «социальные потрясения»? Хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Чем объяснить постоянную повторяемость социальных потрясений в истории?

2. Какую роль играют мятежи и восстания в жизни общества — созидательную или разрушительную?

3. Возможны ли в нашей стране сегодня такие же социальные потрясения?

1. Чем объяснить постоянную повторяемость социальных потрясений в истории?

Гуревич П. История невозможна без социальных потрясений. Социальные катаклизмы, катастрофы, революции, нищета, вынужденное рабство — все это, как и многое другое, неизбежные события истории. Не является поэтому новостью и эсхатологическое ощущение истории. Известны и апокалипсические пророчества, сопутствующие трагическим ее страницам. История знает вулканические извержения и подземные толчки. Она, по определению, безжалостна. В ее запасниках бывает и все вместе — землетрясение, цунами и ядерный реактор, как это случилось с многострадальным японским народом.

Буева Л. Начнем, очевидно, с того, что цивилизации рождаются, живут и умирают. История человечества — это чередование культур, каждая из которых расцветает, проживает свою неповторимую судьбу и уступает место другим, порождая гигантские цивилизационные сбросы и исторические разломы.

Луков В. Арнольд Тойнби в книге «Постижение истории», разумеется, пишет о надломах цивилизаций и даже об ответственности социальных лидеров, но его в большей степени пленяет величественный ход истории, процесс исторического всплытия новых цивилизаций.

Гуревич П. Да, вопрос, поставленный Освальдом Шпенглером «существует ли логика истории?», неотвратимо порождает и другой — «как и почему прерывается providенческий ход социальных событий?» Не случайно Николаем Бердяевым в книге «Смысл истории» отмечено, что учение о бесконечном прогрессе ведет к отрицанию смысла истории, к дроблению исторического бытия, к краху, в конце концов, самого положительного гуманистического идеала, обнаруживая тем самым ложь и несостоятельность своих предпосылок.

Буева Л. О революциях и войнах написано немало.

Гуревич П. Но философская мысль, судя по всему, не обращала особого внимания на повторяемость социальных потрясений. Философия истории по самому своему определению осмысливала лишь сложившуюся череду исторических казусов. Проблема же, вероятно, в том, чтобы понять и осмыслить возвращаемость социальных потрясений как феномена.

Луков В. Думаю, уважаемый Павел Семенович, что повторяемость как свойство социальных событий в философской мысли не столь уж не замечена, даже более того, сама философия истории, по сути, начинается с представления о ее цикличности, подобной цикличности природы с ее сменой времен года. Можно определенно видеть такое понимание истории у Геродота в его описании греко-персидских войн, в изложении истории Пелопонесской войны у Фукидида. Плутарх в параллельных жизнеописаниях, по сути, показал, что и на индивидуальном уровне повторяемость в истории возможна.

Буева Л. Это, разумеется, так. Если бы мыслители не обратили внимания на возвращение тех или иных событий в судьбе человечества, то, вероятно, не было бы и философии истории. Вольтер, который и ввел в философию данное словосочетание, не имел в виду последовательность войн или революций. Он искал смысл в исторических трансформациях. «Нашей главной страстью, — писал он, — должно стать общественное благо». Причем постоянное выдвигание разума как гаранта благополучия общества не исчезло и в последующие века.

Гуревич П. Известный канадский ученый и писатель Джон Сол отмечает, к примеру, что война идеологий бывает дорогостоящей в любом аспекте, но это не делает ее более осмысленной. Люди обладают удивительной способностью изобретать конкретные, но глупые оправдания убийства себе подобных. Это, по его мнению, убедительно доказали великие битвы при Креси и Азенкуре во время первой Столетней войны.

Луков В. И всё же любая концепция истории как цикла невозможна без более или менее последовательного обращения к известному возвращению пройденного, к повторяемости событий, ситуаций, действий людей, следовательно — и социальных потрясений. В то же время о какой-то механической повторяемости здесь не идет речи. Одна и та же ситуация, даже многократно повторяющаяся (именно ситуация как модель события, а не событие как таковое, оно всегда неповторимо), может вызываться разными причинами и иметь разные следствия.

Буева Л. Но ведь вопрос был поставлен не о цикличности истории, а о том, почему история имеет обыкновение взрываться, уклоняться от державного пути, впадать в своеобразную социальную невращаемость.

Гуревич П. Ну, да. Сегодня монархизация власти, как показывают события на Ближнем Востоке и в Северной Африке, находится под угрозой. Но ведь деспотические режимы, как и разум вообще, обладают организованной, полностью интегрированной, абсолютно самооправдывающейся системой. Многим казалось еще недавно, что любая система является красноречивым аргументом в пользу оправдания общества.

Луков В. Но это и есть феномен возвращаемости исторических событий.

На это, кстати, указывали историки школы «Анналов», которым пришлось обратиться к, можно сказать, самой рутинной части истории, связанной с повседневной жизнью людей, где повторяемость ситуаций неизбежна в масштабе действий индивидов и человеческих масс.

Буева Л. Но можно ли сказать, что философы истории стремились в первую очередь понять теневую сторону вопроса? Иначе говоря, рассуждать о том, что постоянно возвращается, но по здравому смыслу или по диктату разума не должно обнаруживаться вновь и вновь.

Гуревич П. Конечно, мыслители задумывались над роковыми историческими событиями, искали причину их неизбежности. В этих случаях рациональность как движущий мотив истории замещался анализом психологии толп, изучением революционного невроза, аналитическим разбором деспотических катаклизмов. Маркс, как известно, вообще говорил о революциях как локомотивах истории. И при всем при этом нам предстоит понять, существует ли логика социальных потрясений или это ничем не обусловленный катаклизм, досадная помеха на маршрутах истории.

Луков В. Соответственно и в социальной философии поиск повторяемого — а это необходимый признак закономерного — шел из столетия в столетие, было немало пророчеств и предостережений, представленных в самой разной форме. Но очевидно, что античный уровень философского осмысления истории сегодня недостаточен, когда человеческая деятельность приобрела масштабы геологической силы и способна разрушить планету, причем не только ведением войн, но и самыми мирными начинаниями.

Гуревич П. Ну, вот, слава Богу, наконец-то вышли на общую тему. Да, Япония показала, что планета может столкнуться с полномасштабной ядерной катастрофой. Разумеется, в философской литературе немало апокалипсических сюжетов. Но, вероятно, сегодня нужен более основательный анализ ситуации, когда технологическая мощь человечества пугает непредвиденными следствиями уже в глобальном масштабе. Здесь речь идет не только о философском предощущении, сколько об исторической реальности. Она во многом лишает философию истории ее былой ясности и величия.

Луков В. Но разве в работах социальных критиков 70-80-х годов минувшего столетия не звучало предупреждение, что создание единой технологической мировой системы несет в себе немалые опасности? Очевидные технические достижения могут оказаться ненадежными, система способна выйти из-под контроля человечества.

Гуревич П. Разумеется, философы понимали грозность технологической мощи. Но мы называем имена, которые не определяли мейнстрим философии истории. Да, французский социолог Жак Эллюль убедительно показал в свое время, что «сумма технологии» лишает человечество альтернативных сценариев социального развития. Создав систему, люди не знают, насколько она надежна. Были остережения насчет того, что частный сбой в системе может оказаться роковым для всего человечества. Но разве политики и технократы посчитались с этим диагнозом?

Луков В. Нет, не посчитались, но все это, к несчастью, подтвердилось в

наши дни в Японии. «Атомные» события в Японии вновь и вновь свидетельствуют о том, что мы все на Земле связаны друг с другом. Ошибка группы ученых и группы технологов, ошибка принятого на основе этой ошибки решения властей одного государства, плюс стечение неблагоприятных обстоятельств, которое только и выявило, что когда-то что-то не было предусмотрено, а что-то устарело и т. д. — в итоге целая череда недосмотров и недоглядев достаточно ограниченного числа ответственных лиц отзывается на всех, кто живет на Земле не только сегодня, но и в будущем. И самое поразительное то, что катастрофа произошла в супертехнологичной стране. Но, увы, по сценарию, который был описан несколько десятилетий назад. **Буева Л.** Философия не востребована?

Луков В. А может быть, прав Карл Ясперс, который писал: «История имеет глубокий смысл, но он недоступен человеческому познанию»?

Гуревич П. В наших коллективных обсуждениях мы часто отмечали, что социальная философия не поспевает за развитием исторических событий, которые обрушились на человечество в конце минувшего и начале нынешнего столетия. Перечитывая классиков социальной мысли — О. Конта, К. Маркса, А. де Токвиля, В. Парето, М. Вебера, мы неожиданно для себя осознаем, что они описывают иную общественную реальность, нежели ту, с которой мы имеем дело сегодня. В самом деле, Конт, к примеру, уверен в том, что общественные феномены подчинены строгому детерминизму, принимающему форму неминуемого изменения обществ под давлением прогресса человеческого разума. Но как это совместить с современным ощущением иррационального, не подвластного человеку хода событий? Сегодня нет необходимости заглядывать в Википедию, чтобы обнаружить принципиально иные взгляды.

Луков В. Кстати, многие социальные исследователи пишут о том, что человек так и не смог преодолеть биологические схемы мышления. Разумеется, речь идет не об эпатажных высказываниях людей, находящихся вне научного поля знания. Напротив, рассуждения о том, что человек ни в коей мере не демонстрирует более высокий уровень интеллектуальности, чем у животных, можно считать новейшим достижением социальной теории.

Буева Л. Бизон способен увлечь за собой стадо, несущееся к пропасти. Но отдельный представитель любого политического движения может убедить или заставить одну группу людей истреблять другую, свергать другое правительство, бомбить территорию. Во всем этом есть умысел, но нет безоговорочного смысла.

Гуревич П. Террористические акции поражают нас своим безумием. Но, увы, это политическая реальность. Любое человеконенавистническое суждение можно облечь в рационалистические одежды. Обнаружения разума плохо просматриваются в безудержных стремлениях к мировому господству, переделу природных богатств, экологической катастрофе, силовому политическому диктату, унификации культурного ландшафта. Но попробуйте найти рассуждения на эти темы у классиков мировой социологии.

Луков В. Это интересное рассуждение о несоответствии социальной теории тому, что нас сегодня окружает в мире, оно еще раз заставляет

задуматься над тем, какова ее функция в жизни человечества. Но надо ли адресовать упреки Конту, Марксу, Веберу, Парето, которые осмысливали тот мир, который их окружал? Они искали ответы на вопросы, которые волновали общество в другую эпоху. Возможно, весь смысл социальной теории состоит в том, что она должна соответствовать своей эпохе, оставляя последующим временам известную совокупность, а можно сказать — ансамбль, то есть хорошо организованную и даже красивую систему утверждений, которая адекватно описывает социальную реальность и содержит идеи относительно того, как же ее, эту реальность, удержать в границах управляемости.

Буева Л. Разве речь идет о том, что мы критикуем классиков социальной философии? Разумеется, они остаются для нас незабываемыми авторитетами. Их методология социального анализа продолжает сохранять свою ценность. Но Павел Семенович, вероятно, имел в виду другую проблему. Мир стремительно трансформируется. Античность длилась одиннадцать веков, средневековье — девять, а Просвещение исчерпало себя в течение одного столетия. Можно говорить вслед за Юргеном Хабермасом о том, что просвещенческий проект еще незавершен. Но история стремительно убегает из-под наших ног.

Гуревич П. Что мы знаем сегодня о таком социальном потрясении, как революция? Из социальной философии известно, что революции обычно предварялись рождением новых социальных идей. Революционный взрыв, прежде всего, обретал некую мировоззренческую подоплеку. Да, взятие Бастилии, с которого мы начали наше обсуждение, выглядит курьезным событием. Но ведь Французская революция имела глубокие философские основания. Кроме того, у восставших были свои вожди. Революция пожирала своих детей, но это были действительно крупные социальные лидеры. Сравним это со спонтанным восстанием в Ливии, которое не предварялось серьезной идеологической подготовкой, не имело на первых порах даже лидеров, и только в результате противостояния с Каддафи определились отдельные небезымянные фигуры. Разве это не новая историческая ситуация?

Луков В. Для новых условий в этом случае теряет значение не тот или иной фрагмент такого ансамбля, но весь он как целое. Теорию приходится создавать с самого начала, используя предшествующие теории как строительные блоки. Примерно как Маркс и Энгельс выстроили свою теорию на идеях немецкой классической философии, французской историографии и английской политэкономии. Не будет ничего удивительного, если нередко строительные блоки новейших социальных теорий будут обнаружены в идеях, отстоящих от наших времен не на столетия, а на тысячелетия.

Буева Л. Резонно. Но исторический провиденциализм Маркса — «капитализм будет уничтожен своими противоречиями, но неведомо как и когда» вдохновляет социальных критиков, но ничем их не вооружает. Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти критиковали отчуждение индивида в условиях частной собственности, но даже не догадывались, что человека можно «отстранить» от речки, в которой он купался, или леса, в котором он собирал грибы. А ведь современный капитализм в нашей стране пытается приватизировать все что угодно — лесной массив, озеро, науку. Как

воодушевились наши олигархи, когда узнали про то, что человеческую жизнь можно продлить. Они захотели немедленно поставить эти открытия на службу собственному сословию.

Гуревич П. Раймон Арон критикует марксистскую теорию классов, которая базируется на различении источников дохода. Но ему и в голову не приходит, что причастность к государственной службе может оказаться мощным стратификационным фактором, позволяющим запутать все историческое наблюдение за общественными группами. Алексис де Токвиль полагает, что именно демократическое общество обеспечивает безграничную способность к совершенствованию человека. Но ориентация на «среднестатистическую единицу» в современных демократиях привела к чудовищной девальвации ценностей и святынь.

Луков В. Однако, это вовсе не означает, что социальная философия мало чем может помочь нам в осмыслении нынешних социальных катастроф. Эллиуль считал, что утопии Томазо Кампанеллы, Томаса Мора или Шарля Фурье не сыграли и ничтожной роли в развитии исторических событий своего времени. В них не оказалось даже предвидений, которые осуществились бы в последующей летописи исторических событий. Но о чем это говорит? Истинный образ будущего не может быть просто продуктом индивидуального сознания, усилий отдельного ума. Это и признает Эллиуль. Даже воображение поэта или художника не в состоянии выработать этот образ, если иметь в виду его социальные параметры, поскольку образу этому надлежит быть целью усилий всего общества. Суррогатом такого образа являются два вида продукции интеллектуалов.

Буева Л. Первым суррогатом Эллиуль считает утопию. Он отмечает, что социальное значение утопий негативно. Достаточно людям воспринять предписания, содержащиеся в утопиях, серьезно, как результаты оказываются совершенно катастрофическими. Преступления, совершенные капитализмом в эпоху либерализма, во многом объясняются той серьезностью, с которой в ту эпоху была принята фигура Робинзона Крузо. Позднее не критическое отношение к учениям Этьена Кабе и Шарля Фурье сыграло большую роль в том, что социализм не получил достаточного развития. Социальный миф, как еще одна разновидность интеллектуальной продукции, сегодня провоцирует мятежи.

Гуревич П. Макс Вебер анализирует три типа социального управления — традиционный, харизматический и научный. Но, судя по всему, не вполне осознает мысль о том, что в современной социальной практике эти способы организации социальной практики не являются продуктом развивающейся истории, а создают причудливые смеси. Современный правитель может призывать к опоре на традицию и одновременно искать идеологическое обоснование своей харизмы. Нынешний консерватор, как правило, ищет развернутое философское обоснование не в вековых заветах, а в новейших вариантах интеллектуальной рефлексии.

Луков В. Наконец, у Вебера нет вывода о том, что ни один из этих типов социального управления не годится в полной мере для современной

общественной жизни.

Буева Л. Социальные теории ветшают прямо на глазах, общественная жизнь поражает своей прихотливостью, несуразностью. Не пришлось бы нам, как показал Джонатан Свифт, учиться нравственности у лошадей.

Гуревич П. Разумеется, мы с пиететом относимся к классической социальной философии. Но вы же не будете спорить о том, что философы и социологи всегда вынашивали идеал стабильного общества. Они дотошно описывали факторы, без которых невозможна общественная устойчивость, предостерегали от революционных потрясений, учили искать способы договоренности и консенсуса. Макс Вебер связывал стабильность индийского общества с тем, что каждый индивид рождался в этом социуме в определенной касте и тем самым был привязан к определенному роду профессий. Он отмечал, что сама стабильность кастового общества была бы немыслима без метафизики, которая толкует о переселении душ. Согласно этому представлению, предназначение человека в одной жизни обесценивалось.

Буева Л. Но зато давала возможность надеяться на вознаграждение в другой жизни. За каждую несправедливость можно было получить награду в другой жизни. Но насколько прочен этот фактор в современной Индии, которая не избавлена от социальных потрясений в условиях глобализации мира?

Луков В. Согласен, что Парето, к примеру, стоит у истоков социологической традиции, которая изучает стабильность социальной системы. Речь идет о механизмах контроля и принятия решений, которые обеспечивают эту устойчивость.

Гуревич П. Но кому могла прийти в голову мысль о том, что в наши дни именно кризис, революционные катастрофы могут стать постоянными факторами наведения порядка?

Буева Л. Политики стали пугать массы неизбежными последствиями их революционных выступлений, «кошмарить» образ врага и таким образом добиваться относительной стабильности. На самом деле общество переходит от одной стадии нестабильности к другой, но сохраняет уверенность в том, что оно стоит прочно и на века.

Луков В. Социальные потрясения 1960-х годов, вызвавшие теоретический энтузиазм «левых», убедили теоретиков в том, что огромную роль в исторических переменах играют средства массовой информации. Периферийные радиостанции, газеты повсюду разнесли весть о студенческой акции. Сегодня многие эксперты отмечают роль Интернета в усилении выступлений против режимов на Ближнем Востоке. Детонатором становятся, по словам Жана Бодрийера, сами акции, а уж резонатором точно можно назвать медиа.

Гуревич П. Но кто может предположить, что именно Интернет, сохраняя присущую ему форму, окажется сообщником ниспровергаемой власти? Теперь и сам Бодрийер убежден в том, что разоблачительная информация немедленно преобразовывается в модели, лишается собственного смысла, превращаясь в знаки, семиотическое поле. Обеспечив рекламу толпе, Интернет создает иллюзию ее успешности. В действительности же акт прорыва превращается в

бюрократическую модель, действующую на расстоянии. В этом и заключается, согласно Бодрийяру, работа медиа.

Буева Л. Интернет позволяет сегодня жителям одной страны видеть, как живут другие народы. Естественно, возникает вопрос, почему они могут добиться благосостояния, а мы — нет? Может быть, у нас плохие вожди? Не исключено, что они заботятся о своих прибылях и не думают о народе? Почему на наших экранах маячит уже в течение нескольких десятилетий одно и то же лицо властителя, а в других странах руководители уходят со своих постов, дающих им огромные дивиденды?

Луков В. Это верно. Но отметим также и миграционные процессы. Люди перемещаются из одной страны в другую, попадают в иную культурную среду. Межэтнические браки, аккультурация, сбой национальной идентичности. Да, согласен, что это новая реальность, и она требует анализа.

Гуревич П. Канадский социолог Маршалл Маклюэн предупреждал, что средства массовой информации способны провоцировать новые эпохи. Но описанная им глобальная деревня не похожа на идиллическую картину.

2. Какую роль играют мятежи и восстания в жизни общества — созидательную или разрушительную?

Луков В. Вот мы задаемся вопросом, чем объяснить постоянную повторяемость социальных потрясений в истории? Между тем, вполне вероятно, что ответы могут оказаться в той зоне, о которой вы, Павел Семёнович, упомянули, сославшись на получающие распространение взгляды, что человек так и не смог преодолеть биологические схемы мышления. Возможно, в этом направлении теория наших дней обратится к давним представлениям о связи биологического и социального и разовьет их. вполне вероятно, что популяционный аспект человечества ныне становится более важным, чем когда-либо: изменения в локальной общности теперь уже лишаются локальности и могут иметь последствия для всей популяции.

Буева Л. Назад, в социобиологию?

Луков В. Нет, скорее — вперед, в биосоциологию. Постоянную повторяемость социальных потрясений в истории можно было бы и не замечать и не объяснять, если бы она сохраняла свойства потрясений местного масштаба. Вроде землетрясения, которое повторяется в одних и тех же местах, но в широком смысле слова не затрагивает жизнь в целом. Почему же нас так настораживают последние события в арабских странах? Именно потому, что по сходной модели они одномоментно возникли в странах, хоть во многом и близких, но достаточно различных, чтобы посчитать причинами социального взрыва что-то одно, например, чрезмерную бедность населения, высокий уровень коррупции и т. д. Еще несколько месяцев назад заметных признаков народного недовольства не было, хотя была и бедность, и коррупция, и социальная несправедливость.

Гуревич П. Может быть, «разум возмущенный» начинает закипать не сразу. Люди долго мирятся с наличной ситуацией, но политики не придают

значения «точке кипения». Им мнится, что они вполне владеют ситуацией. Но на самом деле оказывается, что все выходит из-под их контроля.

Буева Л. Может быть, все объясняет теория заговора? Правомерно ли считать, что существует некий театр социальных потрясений, в котором трудятся сценаристы, политики, режиссеры исторических разломов?

Луков В. Вполне возможно, что и она здесь применима. На заседаниях Русского интеллектуального клуба в Московском гуманитарном университете много раз эксперты показывали, насколько небезосновательны трактовки самых разных событий, которые можно назвать социальными потрясениями, с позиций теории заговора. Немало документальных публикаций, в которых показан рукотворный механизм запуска «цветных революций». Специалисты по политическим переворотам в открытую проводят международные семинары для оппозиционной молодежи, обучая технологии провокации. Например, два-три человека легко могут спровоцировать студенческий митинг протеста, неважно — против чего, перегородив вход в вуз в момент, когда толпы студентов спешат на лекции. От мелких стычек с властью до политического переворота в масштабах страны и даже группы стран дистанция не столь велика. И важно не то, что крупные исторические события могут иметь закулисную режиссуру. Это практика очень давняя, многовековая. Но никогда такая режиссура не имела возможности на очень коротком временном отрезке достигать желаемые результаты в планетарном масштабе. Это стало возможным благодаря даже достигнутому уровню соединения реального и виртуального миров. Что же будет дальше?

Гуревич П. Однако не исключено, что мы мыслим по инерции. Хотя совместные действия членов НАТО, направленные на низвержение режима Каддафи, рождают горькие размышления. Пылкость политика, убежденного в том, что надо как можно быстрее устранить лидера страны, оказывается, объясняется простым нежеланием возвращать долг. Разговоры о демократии обнажают явные корыстные интересы, связанные с нефтью.

Луков В. Вильфредо Парето возражал Марксу, который считал, будто классовая борьба, как и связанные с нею социальные потрясения, определяются исключительно экономикой (что, конечно, основано на примитивном толковании марксизма). Классовая борьба — лишь форма борьбы за жизнь. Да, люди хотят избавиться от голода и нищеты. Но социальные потрясения имеют множество причин. В средние века наивно полагали, будто с исчезновением религиозных конфликтов в обществе наступит мир. Но вместо религиозных войн и потрясений появились новые социальные конфликты.

Гуревич П. Традиционные представления о роли революции в истории утратили свою доказательность. Сошлемся еще раз на Жака Эллюля, на его работу «Аутопсия революции».

Буева Л. Аутопсия — это, по-моему, медицинский термин. Что-то вроде вскрытия трупов.

Гуревич П. Именно так. В этой работе Эллюль предпринимает скрупулезный анализ исторически сложившихся форм социального общежития, государственных и политических установлений, общественных институтов.

Апологию революции он объявляет «разрушительной фикцией».

Луков В. Честно говоря, так высказывались задолго до Эллиоля многие из тех, кто пострадал в годы революций или, по крайней мере, был ошеломлен переменами. Или по историческим документам и материалам увидел революцию совсем в ином свете, нежели сторонники коренных преобразований общества. Показательный пример — отрицание Ипполитом Тэном в середине XIX века значения Великой французской революции, в которой он видел лишь «большой террор». Ж. Жорес на протяжении всех 6 томов своей истории Великой французской революции полемизировал с Тэном, настолько для своего времени это была актуальная задача. К осмыслению оборотной стороны революции обратился и Николай Бердяев. Его работа «Философия неравенства» написана в 1918 году.

Буева Л. Да, хотя опубликована она была в 1923 году.

Луков В. Именно в ней раскрываются гнилостные и разрушительные процессы революции, повествуется о бушующей черни, громящей величайшие святыни и ценности. Так вот обычно политическая философия имеет дело с теми реальностями, которые уже сложились, окружают нас и воздействуют на наше поведение и образ мысли. Она далеко не всегда обращается к предельным вопросам бытия, чтобы обосновать жизненные и практические установки людей.

Гуревич П. Вы, очевидно, имеете в виду сугубо прагматический характер многих социально-политических исследований. Задача состоит в том, чтобы связать анализ социальных потрясений с ключевыми вопросами философской рефлексии. Каков мир сам по себе? В чем смысл человеческого существования? Можно ли говорить о цели истории? Вот, к примеру, Эллиоль проводит различие между «революцией» и «бунтом». Оно очень условное. Особенно в наши дни, когда непонятно, как отличить террориста от повстанца, бунтарей от строгих ревнителей порядка.

Луков В. Бердяев, к примеру, ставит вопрос метафизически: «Существует ли иерархия среди самого бытия?» И еще одна особенность социального мышления русского философа. Он выступает против прагматического понимания социальных проблем и нелепой убежденности, что все общественные проблемы могут быть раскрыты без рационального остатка, доведены до предельной ясности. Сейчас многие эксперты пишут о событиях на Ближнем Востоке как о классической революционной ситуации. Власть предержавшие, мол, не осознали непреложность запросов модернизации. А массы теперь указали ей на это упущение.

Гуревич П. Но мы видим и другие факторы — особенности менталитета этих народов, традиции, логику повседневности.

Буева Л. Бердяев же считает, что в государстве есть мистическая основа и, с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. По крайней мере, это обязывает не прельщаться простыми констатациями.

Гуревич П. Разумеется, русский философ критикует социологию за то, что она оторвалась от теологии. С его точки зрения, отвлеченный социологизм

одинаково противоположен и конкретному космизму, и конкретному историзму. Мы живем в эпоху примитивных общественных проектов, которые превратили социальную жизнь в быстротечную и обманчивую игру социальных страстей и интересов. Здесь и технократическая социальная инженерия, и скороспелая перековка истории, и сотворение нового человека, и компьютерный рай. Рационалисты, одержимые рассудочным безумием, не научились урокам истории, не постигли смысла ниспосланных исторических испытаний.

Луков В. По сию пору социальные прожектеры, воспитанные в традициях отвержения церковных, государственных, национальных, культурных и других реальностей, видят в общественном процессе некие отвлеченные структуры, которые как будто легко поддаются лепке или перестановке. Общество понимается атомистически: мыслятся некие односторонние зависимости, которые однозначно ведут к желаемому результату. Нужны примеры? Усилим законотворчество, дозволим демократию (или, наоборот, стреножим ее), направим нужные финансовые потоки — и история покатится в нужном направлении.

Буева Л. Бросается в глаза откровенный юридизм, который стал подменять социальную философию. То и дело рождаются законотворческие инициативы, призванные, к примеру, обрушить коррупцию. Предполагается, что если в здании, где работают чиновники, убрать двери, то люди увидят, чем занимаются слуги народа на самом деле. Заодно и коррупция окажется под контролем. Но если чиновник внимательно смотрит на экран компьютера, изображая усиленную работу управленческой мысли, а на самом деле видит там карточный расклад, который позволяет ему скоротать рабочий день?

Луков В. Это сплошь и рядом обнаруживается и на бытовом уровне. Сегодня слышу по телевидению мнение репортера: у нас нет закона, обязывающего детей заботиться о престарелых родителей, потому столько обездоленных пенсионеров. Между тем, закон-то есть: в Семейном кодексе РФ имеется статья 87 «Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей», где прямо так и сказано: «Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них». И что из этого следует для повседневной жизни? Наивны ожидания, что более строгим законом можно победить коррупцию, наркоманию и другие социальные беды. Но не арифметика и даже не алгебра определяют общественную жизнь. Здесь, по мысли Бердяева, постоянно нужны огляд на глубинные истоки бытия, вдумчиво-обостренное внимание к тем феноменам, которые ускользают от человеческого разума. Иначе неизбежен «погром бытия», о котором пишет философ.

Гуревич П. Все это так. Но, исходя из этих философских посылок, Николай Бердяев надстраивает над хаосом специфическое знание об истории. По его мнению, космическая жизнь иерархична. В обществе с древних времен идет борьба между космическими и хаотическими началами.

Луков В. Выходит, русский философ освящает установленный порядок, изобличает любые попытки низвергнуть его? С этой точки зрения, полковник

Каддафи прав, оказывая сопротивление революционной толпе?

Гуревич П. Мне кажется, что философ не идеализирует иерархию. Массы абсолютно правы, выступая против злоупотреблений власти, против ее несменяемости. Но именно власть парадоксальным образом оказывается олицетворением хаоса, если она упрямо попирает законность, преследует корыстные цели, игнорирует расклад общественных сил. Ведь прямое назначение власти — поддерживать консенсус между различными слоями общества.

Буева Л. Цицерон, к примеру, всю жизнь отстаивал принцип сословий, ибо нередко видел в этом возможность сохранения республики с ее традициями и ценностями. Иерархия далеко не всегда создает преграды для разлива хаотической тьмы. Дионисизм враждебен всякой иерархии. В своем революционном облике это начало уничтожает все различия и дистанции, все формы и границы.

Луков В. Нам, воспитанным в духе марксистской традиции, которая считала революции локомотивами истории, трудно воспринять мысль Николая Бердяева: «Революция есть свыше посланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла». Эта строка написана через год после Октября. Думаю, это односторонний взгляд, который избавляет исследователя от того, чтобы увидеть причины революций, так сказать, на земле, и от того, чтобы осмыслить великие события как непременно противоречивые по своим последствиям.

Гуревич П. Но ведь все-таки «правды нет и выше». Любопытно, что теологический взгляд на катастрофические события прорывается сегодня в отдельных репликах политиков, деятелей культуры.

Луков В. Согласен. Но хотел бы завершить свою мысль. Алексей Федорович Лосев в своей книге по эстетике Возрождения показал возрожденческий титанизм не только через освобождение человеческого духа и творческий порыв гениев этой эпохи, но и через «оборотную сторону», которой он посвятил несколько страниц. В чем был лосевский принцип такого анализа? Прочитую его книгу: «...передняя сторона вещей и событий фиксирует их прямую и непосредственную данность; обратная же сторона, ввиду нашего часто плохого знакомства с ней, может совмещать в себе не только черты этой прямой и непосредственной данности, но также и малоизвестные нам черты любых других областей, часто не только не связанных с передней стороной, но даже прямо ей противоположных». И он приводит примеры повседневности возрожденческой Италии: священнослужители держат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, монахини читают «Декамерон» и предаются оргиям, в церквях пьянствуют и пируют. Все гуманисты приветствуют порнолитературу и живопись. 12-14-летние дети назначаются епископами и кардиналами. Это из почти веселого. А вот из мрачного: казни, убийства, изгнания, погромы, пытки, заговоры, поджоги, грабежи обычны в жизни Флоренции, Милана, Генуи и других городов.

Буева Л. Все это звучит актуально. В Милане в конце XIII века воцаряется род Висконти из кондотьеров, среди прочего они строят дворец для

500 собак, сотни собак отданы на содержание жителям города под отчет, а за смерть собаки предусмотрена казнь. Сравните это с тем, что недавно писали газеты о ценности человеческой и собачьей жизни в глазах олигархов.

Луков В. А вот Лоренцо Медичи — великий покровитель искусств и наук, с которым связывается расцвет флорентийской культуры в XV веке, Платоновская академия, но в тени остается то, как он в 1478 году ликвидировал заговор Пацци, когда улицы покрылись кусками человеческих тел. Ужаснее всех папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа: ежедневно 4-5 убитых, преимущественно прелатов и епископов. Александр VI по ошибке выпил яд, приготовленный для отравления пяти кардиналов, и умер, Цезарь выжил. Этот Цезарь Борджиа и есть образец идеального государя для Макиавелли, ему адресованы советы, как управлять государством в знаменитом «Князе». Под стать князьям и деятели искусства. Бенвенуто Челлини убивал соперников и обидчиков, в том числе мнимых, колотил любовниц, рушил и громил все вокруг себя, со всеми ссорился, не признавал над собой никакого закона. И инквизиция вовсе не явление средних веков, а порождение именно эпохи Возрождения.

Гуревич П. Все подобные факты Лосев не толкует как некое отклонение от идеала гуманизма.

Луков В. В этом-то и дело. Он утверждает историческую необходимость и значимость обратной стороны титанизма. Ломка устоев феодализма, его системных оснований требовала титанов, отсюда — антропоцентризм, со всеми вытекающими последствиями, поскольку критерий добра, справедливости, законности — в самой личности. Этот — тот же самый титанизм, замечает Лосев, подсказывал и нам путь осмысления социальных потрясений, революций, в первую очередь. Правда, это путь очень основательного осмысления. На переднем же плане событий, прежде всего, обнаруживается удивительное несоответствие того, что замышлялось в головах революционеров, тому, что получилось, в конце концов.

Гуревич П. Французские политологи — Рене Дебре, Жак Доменак, Жак Эллюль — исследовав летопись революционных потрясений в Европе, пришли к убеждению: ни одна попытка оседлать историю, катапультироваться в иную ее фазу не увенчалась успехом. Стремление разрушить иерархию, сломать существующий миропорядок всегда приносило неисчислимые жертвы и непредсказуемый результат. Окончательные результаты революции всегда оказывались противоположными поставленным целям.

Луков В. Самый впечатляющий пример, по-моему, тот, с которого вы начали нашу дискуссию, — Великая французская революция. Просветители, которые готовили этот грандиозный исторический бросок, не могли уяснить, почему царство разума обернулось социальным безумием, желание осчастливить людей — кровавым террором, проповедь свободы и равенства отозвалась стихией авторитарного сознания. Революционеры всегда пожинали горькие плоды.

Гуревич П. Эти мысли не вызывают сомнений. Но беда в том, что именно они стали основой современной социальной демагогии. Властители

пугают свои народы тем, что если они захотят освободиться от поднадоевшего режима, то будет, мол, еще хуже. К грозным предупреждениям политиков присоединились и социальные эксперты. Они твердят о том, что лучше плохая власть, чем никакой. Кто же спорит? Да, эта провокация имеет очевидную доказательность. Одним словом, «паситесь мирные народы». Иначе — погром и неисчислимы бедствия. Всякие разрывы в поступательности истории чреваты потоком хаоса. Так что же, оставить мир таким, каким он лежит во грехе? Смириться с наглой властью, осознающей свои возможности и рычаги насилия? Не использовать возможность прорыва в новое историческое пространство?

Луков В. Можно сказать, консерватизм хорош, но плохи его пропагандистские оборотни. Жозеф де Местр в некотором роде прав, когда оценивает революцию как мистический факт. Он считал ее провиденциальной расплатой за ошибки, допущенные властью. Томас Карлейль, который, пожалуй, написал лучшую историю революций, видел в ней последствия неверия, потери органического центра жизни, наказание за грехи.

Буева Л. Возможно, именно сакрального представления о власти и о ее ответственности не хватает многим рассуждениям политиков и экспертов. В рассуждениях Бердяева нет никакой универсальной апологии власти. Он подчеркивает: когда создается революционная ситуация, это означает, что господствующие слои общества не исполнили своего предназначения. Но если сверху нет творческого развития, можно ли приветствовать прорыв тьмы снизу? Народ, по слову философа, попавший в революционную стихию, теряет духовную свободу, он подчиняется роковому закону, становится одержимым и бесноватым.

Луков В. Но уже ссылались на Эллюля, который застал начало 1990-х годов (он умер в 1994 году) и поэтому ближе нам в его исторической рекогносцировке. Для Эллюля любые революции, направленные на изменение общества, пагубны для людей и своим следствием имеют разочарование, крах иллюзий. Такова судьба массовых социальных движений: направленные на подрыв государства, они, в конечном счете, только укрепляют его, а революционная стихия сама подсказывает пути ее обуздания. Это иной взгляд, чем у Бердяева, он парадоксален, но, вероятно, достаточно точен для многих случаев в наши дни.

Гуревич П. Независимо от того, чем завершатся события в Ливане, можно видеть, какие огромные идеологические ресурсы имеет власть, обосновывая свою непреложность. Полковник начал уничтожать тех, кто стремится к дестабилизации, ракетами и другими имеющимися в его распоряжении средствами. Не остались в долгу и европейские державы. История, считает Эллюль, не имеет стержня, социальные революции только в силу слепоты воспринимаются как импульс развития, политическая мифология подстерегает человека на каждом шагу. Все прошедшие революции, независимо от социального характера, были пагубны для человечества, приводили к краху его иллюзий и надежд.

Луков В. Это, конечно, слишком тенденциозное обобщение, оно больше

подходит для бунтов, чем для революций, которые Эллиуль предложил отличать одни от других по ряду оснований, впрочем, не всегда ясных в актуальной ситуации, которая развивается от этапа к этапу и может кардинально меняться по ходу дела. Потрясения социальные — как и природные — кумулятивны и набирают энергию разрушения по трудно прогнозируемым сценариям. Здесь, вероятно, нет больших различий между бунтом, смутой, переворотом и даже реформой.

Буева Л. Да, Эллиуль проводит различие между революцией и бунтом. Но оно действительно условно. Революция, по его мнению, связана с идеей прогресса и имеет программу. Бунт же лишен исторической перспективы и нередко идеализирует прошлое и стремится вернуться в него. Но разве идея омусульманивания всего мира, вдохновляющая ливийцев, безоговорочно лишена исторической перспективы, не имеет программы и является ретроградной?

Луков В. Но французский философ считал, что вплоть до XVIII в. трудно было провести грань между революцией и бунтом. Теперь же эта демаркация очевидна. Проследим же его логику. Для того чтобы начался бунт, у людей должно возникнуть ощущение невыносимости сложившейся ситуации. Но ведь и революции начинаются по сходному поводу. А разве отмена крепостного права, именуемая реформой, не отразила этот признак социальных потрясений?

Буева Л. О чем писал Пушкин?

*Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
Присвоило себе насильственной лозой.*

Луков В. Бунт, считает Эллиуль, грезит о прошлом. Он хочет вернуть прекрасные времена, когда крестьяне были свободными, существовал Юрьев день и налоги были меньшими. Но разве такой бунт можно квалифицировать как направленный против истории? После Французской революции, по словам французского социолога, кардинально меняется концепция революции. Она связывается с идеей прогресса.

Гуревич П. Так-то оно так. Но что подразумевается под идеей прогресса? Экономический расцвет, демократизация, расцвет науки и культуры? Но соотносится ли с названным признаком революции, как феноменом, идея «народной Джамахирии», предложенная Каддафи? Разве в ней нет устремленности к грядущему, если это мечта о создании единой Арабской республики и даже Соединенных Штатов Африки? Если его режим называется «революцией», основанной на «Евангелии нового века», то почему на территории Ливии возникли лагеря для подготовки террористов — палестинских, испанских, ирландских? О каком расцвете науки и искусства можно говорить применительно к обществу потребления? Наконец, руководствуется ли революция заветами Разума, если в современном общественном сознании процветают мистика и иррационализм? Революция, согласно Эллиулю, не меняет вектора истории, она лишь устраняет препятствия, мешающие экономическому развитию общества.

Луков В. Но ведь и полыхающий сегодня Ближний Восток стремится к экономическому процветанию, хотя этот протест можно назвать бунтом. Экономический уклон в понимании революции может дезориентировать исследователя. Очевидно, что в революции обнаруживает себя то, что можно назвать духом народа, коллективным сознанием, коллективным бессознательным или еще чем-то, что выражает неподавляемое стремление огромных масс, очень несхожих друг с другом (по показателям благосостояния в том числе) людей, к высшим идеалам добра и справедливости. Революция не меняет вектора истории? А что тогда такое «вектор истории» и какую эвристическую роль он может сыграть в понимании социальных потрясений? Революции, начиная с Французской, меняют систему государства и придают ему иную цель — защиты свободы, равенства, братства.

Буева Л. Но такая свобода становится абстрактной. Она может оказаться даже средством закабаления или обернуться формальным провозглашением неких прав. С другой стороны, в бунте идея свободы обретает реальный, конкретный смысл: изгнание диктатора, поднадоевшего правителя, расширение возможностей для жизни и развития людей.

Луков В. В революции тоже есть такая прагматическая задача, просто на ней потрясение не заканчивается. Революция, конечно, вдохновляющая и пугающая реальность. Она порождает героические мифы, которые сами по себе становятся для новых поколений важнейшим воспитательным средством. Она создает новую картину мира.

Гуревич П. И Эллюль замечает, что Французская революция создала не только модель, но и миф революции, который оказал решающее воздействие на мировоззрение последующих поколений, сделав ее мерилем всех ценностей. Торжество этого мифа связано, как это ни парадоксально, с распространением рационализма, идеологии прогресса и научного взгляда на историю. Вот и нам, видимо, предстоит, прежде всего, обозначить понятие «социальных потрясений» и причины, которые их порождают в историческом процессе. Разумеется, социальные потрясения и революции не синонимы. Мы можем, по-видимому, говорить о том, что в истории оказывается эксклюзивной ситуацией, вторжением хаоса в стабильный, хорошо отлаженный исторический ход событий. Социальные потрясения могут вызвать бунт, восстание, революцию. Но в той же степени могут сойти на нет в результате устранения причин, которые их вызвали.

Луков В. У меня, правда, несколько иное представление. Бунт, восстание, революция не вызываются социальным потрясением, а сами им являются. Любой уровень напряженности, отчаянное положение миллионов людей — пока дело не дошло до неповиновения масс властям, не является социальным потрясением. Все это может сойти на нет при умелой политике маневрирования и руководства. Но если уж революция началась, бунт вспыхнул, то назад пути нет, это и есть потрясение. Даже если бунт подавлен, революция переродилась, реформа разочаровала — вектор истории изменился, потенциальное стало реальным.

Гуревич П. Но отчего в жизни многих социумов происходят социальные

потрясения? Отчего мирное, плавное развитие общества отягощается сбоем, историческими разломами, катастрофами? Начнем, допустим, с обозначения человеческой природы. Во все времена, подчеркивает известный культуролог Йохан Хейзинга, были люди, которые не находили себе покоя или удовлетворения без постоянной надежды и ожидания полного обновления общества. При этом данное обновление мыслится обычно на совершенно иных основах. В течение последних двухсот лет жажда все новых и новых изменений была доминантой культурной жизни в западном мире. Но социальные катаклизмы никогда не помогали реализовать идеал. Новшества не приводили в исполнение задуманные проекты. Все выглядело насмешкой для молодых революционеров или реформаторов, зачинателей свершившихся перемен. Фридрих Шиллер заметил, что голод правит миром. Пушкинский персонаж из «Скупого рыцаря» тоже диагностирует: «О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!» Сегодня вряд ли можно утверждать, что только нищета толкает людей на протест. В Ливии уровень благосостояния людей выше, чем в России. Он превосходит уровень жизни в прибалтийских республиках, только что принятых в Евросоюз. Полковник Каддафи был не чужд идее справедливости в ее восточном варианте. «Нефтяная рента» распределялась так, чтобы его народ получал от нее нужные дивиденды.

Луков В. Может быть, ответ в полной фразе из Шиллера: «Любовь и голод правят миром». В протесте масс то, что можно обозначить словом «любовь» (а это высшие ценности, идеалы), не менее значимо, чем потребность в хлебе. Впрочем, и она, эта физиологическая потребность есть досыта, не столь проста, она живет в одной связке с общественным неравенством, разделением людей на страты, из которых одни выше, другие — непременно ниже по своему социальному статусу. Вот почему наесться и напиться даже на начальном этапе социального потрясения не составляет исключительной задачи. В одном пакете непременно — смена иерархии статусов и обновление системы ценностей.

Гуревич П. Да, степень всякого неравенства — экономического, правового, технологического, культурного — это предмет социального компромисса. Но разве идея равенства всех людей не служила источником мощного социального движения? Разве не содействовала она рождению демократии, права, провозглашению свобод? Безусловно, лозунг равенства принадлежит к числу идеалов справедливого общества. Но содержание этого лозунга в разные эпохи менялось.

Буева Л. Николай Бердяев подчеркивает, что либеральная идеология зародилась в умственной атмосфере XVIII в., которая склонна была утверждать естественную гармонию. Провозгласив лозунги свободы и равенства, мыслители той поры действительно не обратили внимания на тот факт, что эти идеалы вовсе не являются однопорядковыми, они противоречат друг другу.

3. Возможны ли в нашей стране сегодня такие же социальные потрясения?

Луков В. Бердяев продолжает: весь XIX в. разбивал иллюзии естественной гармонии. Обнаружилось, что равенство несет с собой опасность самой страшной тирании.

Он прямо утверждает, что свобода и равенство несовместимы. «Свобода есть, прежде всего, право на неравенство. Равенство есть, прежде всего, посягательство на свободу, ограничение свободы». Это направление бердяевской мысли может не приниматься, я, например, не нахожу в нем убедительности. Но очевидно, что в нем кроется противоречие, которое не разрешается революцией, а, скорее, укрепляется в своей неразрешимости. И сегодня мы видим, как провозглашение свободы рынка породило неравенство в масштабах, которые в нашей стране с ее социалистическим прошлым не могли даже присниться в страшном сне. Если мы провозглашаем идеалы свободы, то должны мириться с тем, что национальные богатства страны принадлежат Абрамовичам. Если мы провозглашаем идеалы равенства, то придется согласиться с контролем над нами государства и других внешних сил, которые поддержат равенство (или его видимость) в обмен на отданную им в управление нашу свободу.

Гуревич П. Наша собственная современная жизнь, возрождающаяся после авторитарных оков, сталкивается со множеством парадоксов. Почему, например, альтернативные движения, выступающие против диктата власти, едва возникнув, тут же порождают в себе уже знакомые нам политические структуры? Внутри самых радикальных течений обнаруживается жесткая иерархичность. Дают о себе знать нетерпимость к инакомыслию, духовный диктат. За что же боролись? Неужели только ради смены лидеров? Не в этом ли слабость нашей политической оппозиции? Получив признание, она немедленно усваивает стереотипы власти.

Луков В. Мне кажется, Бердяев, справедливо рассуждая о неравенстве, похоронил идею справедливости как незаконную. Но в современном мире искание справедливости — мощный катализатор социальных потрясений.

Гуревич П. Источником социальных катаклизмов, как мы видим, оказывается сама власть. Можно согласиться с мнением французского социолога Бертрана де Жувенеля, что непрерывный рост власти — не случайность, но весьма конкретный, а не гипотетический смысл истории. После каждого освободительного порыва человечества государство расширяет свои владения, обещая обеспечить ту самую свободу, которую она на деле уничтожает. Революционность стала своеобразным поветрием, модой. Реформизм считается позорным. Толпа требует немедленных результатов. Борьба против неравенства, эксплуатации, колониализма, империализма сегодня не главный источник социальных потрясений.

Луков В. Если до сих пор историческое развитие шло от бунта к революции, то для нашего времени, считал тот же Эллюль, характерно обратное движение — от революции к бунтам, которые остаются последним выходом для человека, выражением его протеста против бесчеловечной технической цивилизации. Бунт еще возможен, современное общество пока еще не настолько хорошо организовано, чтобы полностью интегрировать своих

граждан и заглушить чувство щемящей несправедливости. Это небезынтересная идея.

Буева Л. «Панарабская революция» продолжает свое движение по арабскому миру. Зашатались проамериканские режимы в Бахрейне, Катаре, Йемене. Стало беспокойно и в других странах. Но наиболее ярко «процесс пошел» в Ливии. В этой стране разразилась гражданская война — пока в миниатюре.

Луков В. Но как оценить эти события в ряде стран? Что это — восстание, бунт, революция? Европейское общественное мнение в замешательстве. Если это бунт, надо поддержать законное правительство. А если очистительная революция, направленная против деспотизма, то, может быть, следует организовать точечное бомбометание против армии Каддафи, как и сделали с удивительным рвением с десяток стран, вдохновленных «миротворчеством» ООН. А на деле выходит мировая война. Кто прав — тот, у кого больше снарядов, или тот, за кем историческое будущее? Публицисты справедливо пишут о том, что никто не мог даже предугадать, как недоразвитая, полуграмотная Северная Африка может явить миру новый тип революции, основанный на спонтанном протесте.

Гуревич П. История корчится в муках. То, что было приемлемым два-три десятилетия назад, сегодня уже вызывает не только осуждение, но и решительное, радикальное отвержение. Мир глобализируется. Интернет дает возможность не только увидеть жизнь других стран, он позволяет сравнивать, сопоставлять, как живут другие народы, как организовано их социальное бытие. И здесь оказывается, что в разных регионах мира вызревают одни и те же идеи. Люди не хотят, к примеру, мириться с деспотизмом. Они осуждают произвол, социальное расслоение. Однако политики все еще придерживаются устаревших взглядов. Есть инерция, допустим, в самоидентификации политических лидеров с нерушимостью и неотъемлемостью власти. Оказавшись на верху социальной вертикали, они убеждены в том, что их пребывание во власти будет продолжаться вечно. Всякое стремление к обновлению властных структур воспринимается властителями как наглое посягательство на общественные основы.

Луков В. События в арабском мире демонстрируют, что формируется некоторая новая конструкция миросистемных отношений, которая еще многое имеет от прошлого, но в чем-то с этим прошлым не соединяется, производя феномены социальных потрясений, не схваченных пока теоретическим мышлением. По видимости, здесь есть прямые параллели с Югославией или Ираком, где и теория заговора работает, и схемы получения агрессором международной поддержки и т. д. И все же что-то затемняет картину событий, понимания их причин, очерчивания противодействующих сил. Когда сын Муаммара Каддафи Саиф аль-Ислам назвал в интервью телеканалу «Евро-ньюс» французского президента Николя Саркози «клоуном», то это почему-то не показалось только грубостью и оскорбительным переходом на личности, а заставило задуматься, что в глобализирующемся мире и в самом деле принятие решения бомбить соседнюю страну имеет вид игры в духе смеховой культуры

средневековья: на время шут становится королем, но только на время, а перемены в обществе идут в параллельной реальности.

Буева Л. Бомбы падают не в параллельной реальности.

Луков В. Чтобы яснее было то, на что я хочу обратить внимание, приведу всем знакомое наблюдение. Машина застряла в пробке. Все обозримое пространство вокруг нас занимают такие же бедолаги, как мы: мучительно тянутся автомобили, выстроившиеся в колонну, не видно никакого просвета. Наверное, впереди авария. Но нет, минут через двадцать вдруг все поехали быстрее и быстрее и — о чудо! — пробки нет, она рассосалась без всякой видимой причины. Никакой аварии впереди не было, не было и каких-то дорог, на которые свернула часть машин. Движение машин по дороге при некотором переизбытке их по отношению к ее пропускной способности без всяких аварий будет напоминать движение гусеницы: ее тело все время сменяет режимы сжатия и растягивания, потому, собственно, и становится возможным движение. Этот природный образ применим для визуального представления о переменах в обществе, о смене относительно спокойных фаз и фаз социальных потрясений. Чем глобальнее общественный процесс, тем меньше возможностей управлять им «вручную», принимая решения в начальственных кабинетах. В глобальном измерении общественных перемен менее подвержены разумному регулированию процессы, задаваемые, по видимости, ритмами человечества как биосоциальной системы. На мой взгляд, именно в этом новизна планетарной ситуации, которая скрывается за формулой «Мир глобализируется».

Гуревич П. Означает ли это, что и в России социальные потрясения возможны лишь в меру того, что принесет нам глобальный мир?

Луков В. Разумеется, в каждой точке глобальной миросистемы могут сохранять свое решающее значение принимаемые людьми решения, а социальные потрясения порождаться конкретной ситуацией. Автономность социальных общностей, культур, общей организации жизни в масштабах человеческих поселений от села и города до страны и союза стран придает всем социальным процессам и социальным потрясениям среди них индивидуальные черты. Но во все более заполненном и оттого тесном пространстве глобального мира намного важнее, чем в прошлые времена, становится влияние общих ритмов человечества как популяции. Иными словами, то, в какой части той самой движущейся гусеницы мы сейчас находимся — в той, что характеризуется сжатием, или в той, что растягивается и обеспечивает сумасшедшую скорость изменений. Здесь может быть точка отсчета при оценке тех или иных возможностей и угроз, которые нужно учитывать современной России. Готовности наличной политической системы к эффективному использованию этих возможностей и противостоянию рисков в том числе.

Гуревич П. В мире сегодня ведется острая критика наличных политических систем, причем не только традиционных, но и вроде бы приспособленных к диктату демократии. Идет интенсивный поиск новых форм социального бытия. Но инерция мышления неотвратима. Есть искушение бесконечно длить свою политическую славу, решать политические и

экономические проблемы, опираясь на насилие. Чем бы ни завершились события на Ближнем Востоке — реваншем деспотии, конфликтом цивилизаций, повстанческой правдой — мир уже преобразуется. Продолжает рушиться монополия США как форпоста человечества. Маячит угроза новой арабской слитности в форме всемирного халифата.

Буева Л. Президент России, заявил, что в нашей стране такого рода события невозможны. Можно полагать, будто преобразование социума у нас реализуется плавно и под контролем.

Гуревич П. Первый вице-премьер правительства России Игорь Шувалов заявляет: «Значительные трансформации общества в России должны пройти без каких-либо потрясений. В последнее время массовые антиправительственные выступления прошли в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока. Вы думаете, что будет хорошо для этих стран? Эти страны переживут нищету, огромные потрясения и личные трагедии. Мы с вами все это видели 20 лет назад... Еще хуже будет». О том, какую разрушительную роль в истории играют революции, конечно, мы знаем. Но можно ли рассчитывать, что значительные трансформации общества в России пройдут без потрясений? Что делает власть для того, что снять социальную напряженность?

Луков В. Это важный вопрос, и при всем том, что революции порождаются особым, сверх приемлемой для масс меры напряжением социальных проблем, когда взрыв представляется все же лучшим выходом, чем ожидание перемен к лучшему, социальная напряженность не обладает свойствами средней температуры по больнице, она в разных точках имеет разную температуру. А это значит, что и в относительно спокойной ситуации те или иные факты злоупотреблений, неадекватные ожиданиям действия власти могут дать толчок к обострению обстановки в целом. Вот в марте СМИ сообщают, что в жилищно-коммунальной сфере города Владимира раскрыто мошенничество. Местные власти заключили с одной компанией незаконный контракт на 1 млрд 354 млн руб. «Следствие выявило десятикратное превышение стоимости работ, связанных с уборкой улиц этой организацией». К этой информации тут же добавлено, что только за два последних года и только в Центральном федеральном округе объем похищенных в жилищно-коммунальном хозяйстве средств составил 25 миллиардов рублей. Ого! И это даже не вызывает удивления, а ограбленные жители не строят баррикады. Но убийство молодого футбольного фаната Егора Свиридова в драке 6 декабря прошлого года вызвало массовые беспорядки в центре Москвы, а потом в других городах. Премьер-министр встретился с представителями организаций футбольных болельщиков, чтобы смягчить накал страстей. Об этих событиях уже есть большой материал в Википедии, а на запрос «убийство футбольного фаната в Москве» Яндекс дает 4 млн ответов. Особенность и больших, и сложных систем состоит в том, что их жизнеспособность может быть подорвана совершенной мелочью, «вишневой косточкой», на которой поскользнется гигант. Япония показала, как в одночасье самая благополучная страна может все потерять.

Гуревич П. Обсуждение показало, что социальная философия

располагает значительным опытом анализа общественных потрясений в истории. И все-таки современная жизнь с ее глобализующим размахом, ростом технологи-зации во всех сферах бытия, борьбой за влияние на мировые события свидетельствует о том, что повторяемость социальных катаклизмов как самостоятельным феноменом еще недостаточно осмыслена. Социальные мыслители с трудом различают революцию и бунт, противостояние власти и поругание справедливости, низвержение деспотизма и праздник переменчивой, агрессивной толпы, метастазы абсурда в реальности и сам социальный взрыв.

С моей точки зрения, социальным потрясением для общества является не только сам бунт, но и реальная ситуация в той или иной стране. Многие эксперты сегодня указывают на значение традиции, консервативного мышления в политике, что является определенной гарантией плавного, некатастрофического развития стран. Но настоятельно проводится мысль о верноподданном служении власти, даже если она сама творит социальный хаос в силу некомпетентности, безответственности, корыстолюбия. Предпосылки возможного протеста — это уже явное социальное потрясение, которое затрагивает судьбы многих людей. Скажем, крах образования в нашей стране, провальное состояние здравоохранения, нарастающее духовное обнищание, поляризация социальной структуры, дефицит средств для пенсионеров, трудом которых создан мир, в котором мы живем, — это и по существу, и по своему воздействию есть не что иное, как социальное потрясение. Если же полагать, что у власти еще есть шанс выправить положение, но не иметь очевидной убежденности в этом, не станет ли это скрытым подкреплением властных амбиций?

Еще недавно культовый американский социолог Элвин Тоффлер убеждал нас в том, что насилие — наименее разностороннее средство власти. Он всячески уговаривал политиков опираться на знание, которое дает, по его мнению, власть высочайшего качества. Он даже предлагал руководствоваться моральными основаниями для противостояния правительству, которое установило «избыточный порядок». Но как соотнести эти рассуждения с бомбежкой Ливана, циничные мотивы которой очевидны для всего мира? Современная практика, вопреки Тоффлеру, устанавливает культ насилия, возможность коллективного нападения на одну страну, принятия ответственного решения путем выстраивания «общих» интересов, даже сговора политиков. В этом контексте оказывается актуальной фраза наших великих сатириков, которые утверждали, что предлог войны с Данией всегда отыщется. Зачем, к примеру, они загубили своего принца Гамлета?

Современный мир завершает процесс десакрализации властителей. Бывших вождей можно казнить, как, к примеру, Саддама Хусейна. Но «самовластных злодеев» можно посадить в тюрьму, как воров, растлителей, взяточников, мародеров и даже людоедов. Можно ли считать случайностью, что народы разных стран, без всякой обоюдной помолвки, убеждаются в том, что лидеры, которые принуждают их к безоговорочному подчинению, отнюдь не небожители, не разумные политики, не первоклассные менеджеры, не духовные наставники, а зачастую обыкновенные мародеры.

Недаром Бердяев говорил о том, что социология проигрывает теологии. Госка по Божьему слову, несущему воздаяние, прорывается то в обозначении крестового похода против мусульман, то в циничной реплике видного кинорежиссера относительно кары японцам за посягательство на чужую территорию.

Еще один парадокс, выявленный в ходе дискуссии, — власть нередко сама выступает катализатором нестабильности. Парадокс заключается в том, что политики сегодня только на словах призывают к гармонии и согласию, а в своей повседневной практике нередко ведут себя, как истые игроки, способные к чрезвычайным рискам и даже авантюрам. Зачастую поднимая «ярость масс» вокруг образа врага, власти создают феномен «нестабильной стабильности». Стало уже традицией испытывать терпение масс, доходя до чрезвычайного предела, до точки кипения. И в том, насколько опасен этот маневр, обнаруживается и рейтинг политика. Власть порой вынуждена даже подкреплять эту взаимную гражданскую ненависть. Сегодня, если не будет сообщения о чрезвычайных происках террористов, о покушении на демократию, мир поразится. Враг, как заметил один отечественный публицист, постоянно меняет маски, а народ каждый день ждет подлянки со всех сторон: от боевиков, от экстремистов, от власти. Впору занимать круговую оборону и превентивно мочить всех подряд, невзирая ни на идеологию, ни на антропологию.

Власть, как сказал бы Маркс, стремится удержать воодушевление на уровне великой исторической трагедии и судьбы, обозначая злодейские происки врагов. Но одновременно с этим она не только перестает думать о надеждах и мечтах народа, а готовит программы, которые обрекают людей на скудное существование, разочарование в своих чаяниях, безмолвных холопов. Как никогда в истории, становится очевидной похоть власти, не сопряженной с ответственностью, с «божьим судом», недоступным звону злата, с приговором потомков. Маркс отвергал пошлое суждение о том, что в истории обнаруживают себя только одни недоумки и тупицы. Каждый лидер действует в определенной исторической ситуации. Но он обязан соответствовать вызовам истории.